

О. В. ВОРОБЬЕВА

О СОБЫТИИ И СОБЫТИЙНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ*

В статье предпринята попытка осмыслить событие и событийность как категорию современного научно-философского анализа. Отталкиваясь от философских трактовок данного понятия, автор старается понять специфику его использования в современной исторической науке и приходит к выводу, что провозглашаемый сегодня «ренессанс события» опосредован глубоким сдвигом в поле неклассической и постклассической рациональности. Событие, его переживание и концептуализация все больше начинают осмысливаться как фокус, в котором актуализируются разные уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт, в том числе опыт и действия историков.

Ключевые слова: историческое событие, категории исторической науки.

Категория «события» является, с одной стороны, одним из центральных понятий исторической науки, с другой стороны, одним из самых сложных для понимания. Эта сложность обусловлена целым рядом моментов. Сначала достаточно длительным периодом преобладания так называемой событийной истории, где событие было возведено в ранг основных категорий исторической науки, а сама история мыслилась как наука о событиях в их связи и последовательности¹. Соответственно, основной задачей историка в рамках этой позиции считалось правдивое описание и объяснение событий прошлого, т.к. все, что случилось в прошлом имеет свою структуру и зафиксировано в источниках. Затем довольно длительным периодом развенчания данной категории, что было связано с переключением внимания с единичного на закономерное, повторяющееся; актуализацией структурной истории в ущерб событийной, а также потеснением в маргинальность политической истории, традиционно базирующейся на парадигме различения несущественной обыденной жизни и существенных событий (хорошо известна растиражированная цитата Л. Февра: «События – это “поверхностный слой истории”». Пена. Гребешки волн, рябь на поверхности мощных дыхательных движений океана... Мелкая пыль индивидуальных поступков, судеб, происшествий»². Историк у следует «привыкнуть ко времени,

* Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ № 14-01-00418а «Исследовательские стратегии и практики историков России (начало XXI века)».

¹ См. например: Гумилев. 2002.

² Февр. 1991. С. 185.

текущему медленно, настолько медленно, что оно показалось бы почти неподвижным», и тогда: «...все взрывы исторического времени предстанут вырастающими из этой полунеподвижной глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все»³, – вторил ему Ф. Бродель).

Существенную лепту в отказ историков от рассмотрения исторической событийности внесли и представители неклассической парадигмы. Еще на заре XX века президент Американской исторической ассоциации К. Беккер заявил о том, что историк не способен представить в целостности никакого события, даже простейшего, он всегда неизбежно выбирает некоторые утверждения о событиях прошлого, причем не только потому, что источники не содержат полной информации о них, но и вследствие обусловленности деятельности историка его целями, взглядами и предрассудками, являющимися продуктами настоящего⁴. Распространение релятивизма и презентизма очень сильно подорвали тогда веру историков в строгость и научность своей профессии. Еще сильнее это сделали представители лингвистического поворота, заявившие о невозможности постижения реальности иначе, чем через знаки. Если же историк исследует не реальность, а только высказывания о ней (событие – это то, о чем говорится), встает не только проблема достоверности информации об исследуемом событии, но и вопрос о том, кто, собственно определяет его историчность: «если дискурс историка – тогда историк является творцом исторической событийности, которую он внушает своим читателям. Если дискурс исторического деятеля – тогда деятель авторитарно определяет историчность события, тогда деятель внушает потомкам событийность своей деятельности, которая без этого “раздувания” совсем не была бы событийной»⁵. Вследствие распространения подобных представлений многие историки постарались максимально уйти от событийности и ограничиться исключительно описанием исторических состояний, избегая любой формы рассказа о них.

Наконец, в качестве затрудняющего момента осмысления события следует отметить отсутствие профессиональной рефлексии по этому поводу вплоть до начала XX века. Но даже в XX веке «территория» события гораздо интенсивнее обживалась философами, нежели историками, и это несмотря на то, что статус научного понятия и даже более – категории – «событие» получило именно в исторической науке. К проблеме события обращались практически все крупные философы, заявившие о

³ Бродель. 1997. С. 127.

⁴ См об этом: Гуревич. 1969. С. 72-73.

⁵ Фрайзе. 2011.

провале экспериментов историков по поводу вычленения общих законов в истории и предпринявшие попытки понять специфику этой науки в рамках неклассического и постклассического научного знания: А. Уайтхейд и Ж. Делез, Л. Витгенштейн и Г.Х. Вригт, М. Хайдеггер и А. Бадью, Р. Арон и П. Рикер и другие. Список историков, увы, не столь представительен: прежде всего, это представители третьего и четвертого поколения Школы «Анналов» (Э. Ле Руа Ладюри, Р. Шартье, Ж. Ревель), немецкие теоретики Р. Козеллек и Питер Хун; российских же историков и того меньше – М.А. Барг, А.Я. Гуревич, И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Гораздо более устойчивая традиция осмысления события как лексико-семантической категории существует в лингвистике. Этой проблеме посвящены работы Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Ф.И. Дретцке, Д. Дэвидсона, Дж. Кима Т.М. Николаевой⁶ и других. К сожалению, весь этот наработанный лингвистами и философами багаж остается практически невостребованным историками.

Среди ученых, так или иначе обращающихся к проблеме события, философы по-прежнему преобладают⁷. Немного больше в этом отношении повезло понятию «факт», что, впрочем, понятно, т.к. именно эта категория занимала центральное место в классической парадигме и именно через нее лучше всего просматривается ограниченность этой парадигмы (приоритет эмпирического знания над теоретическим). Неудивительно поэтому, что Леопольд фон Ранке предпочитал говорить именно о фактах, а не о событиях (изучать нужно то, что *было* на самом деле, т.е. является фактом). Справедливости ради следует сказать, что отсутствует оно и во многих пособиях по методологии истории⁸. И только успехи историографии последних нескольких десятилетий (особенно зарубежной историографии) показали ту роль, которую категория события играет при осмыслении исторического процесса, а также в новой познавательной парадигме. В этом отношении вполне можно утверждать, что «событие» и «факт» поменялись местами⁹.

⁶ См., напр.: Арутюнова. 1988; Демьянков. 1983; Dretske. 1979; Davidson. 1969; Kim. 1969; Kim. 1979; Николаева. 1980.

⁷ Киселева. 2007; Книгин. 2002; Еременко. Понятие «факт» и «событие»...; Воронина. 2003; Шильман. 2002; Оришева Событие мысли и философия события...

⁸ См., например: Методология истории. 1996.

⁹ Все больше подчеркивается процессуальная и онтологическая природа события (события происходят, разворачиваются) в отличие от непроцессуальной и гносеологической природы факта (факт констатируется). «Эти имена относятся к сущностям разных миров. Имя факт ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя событие ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени». – Арутюнова. 1988. С. 168.

Чем обусловлено возрождение интереса к событию и какова роль, которую событийность играет в современной историографии?

Прежде чем обратиться к рассмотрению этого вопроса, определимся с терминами. В современной науке «событие» трактуется и как концепт, и как понятие, и как категория. Чаще всего их употребляют как синонимичные, не вдаваясь в смысл подобного употребления; реже осознанное предпочтение отдается чему-то одному. В данном случае, говоря о событии, я буду оперировать терминами «категория» и «понятие». В качестве категории событие следует понимать как предельно общее родовое понятие исторической науки, которое при этом обладает минимальным содержанием, но таким, которое отображает фундаментальные, наиболее существенные связи и отношения действительности и познания; термин «понятие» является более общим по отношению к категории и рассматривается как один из специфических объектов научной рефлексии¹⁰.

Итак, если говорить о большинстве философских подходов к категории «события», то мыслители чаще всего связывают это понятие с понятиями «вдруг», «внезапно», в результате чего появился некий новый результат. Так, Ж. Делез характеризовал событие как «поворотный пункт и точку сгиба», «складку», «точку времени, от которой линия времени одновременно расходится в двух направлениях: в прошлое и будущее»¹¹. «Событие – это то, что произошло, сбылось, *стало быть*, а до того времени не было быть, – вторит ему В. Буданов¹². А.Н. Книгин вслед за Г.Х. Вригтом полагает, что, если говорить на языке чистой логики, событие представляет переход от одного положения дел к другому¹³. Кроме того, философам свойственно противопоставлять *событие бытию*. Так, если для М. Хайдеггера последнее и есть событие¹⁴, то для большинства современных интерпретаторов бытие скорее является почвой, из которой данное событие произрастает, ибо, как заявляет современный французский философ А. Бадью, «бытие есть то, с чем событие радикально порывает»¹⁵.

¹⁰ Что касается концепта «события», то, являясь актом схватывания смысла проблемы в единстве речевого высказывания, он предельно субъектен и предполагает вписывание рассуждения в контекст учения, мысли определенного исследователя. *Неретина*. 2010. Т. II. С. 306-307.

¹¹ Делез 1997; История философии. Энциклопедия. 2002. С. 546.

¹² Буданов. 1999. С. 44.

¹³ Вригт. 1986. С. 120; Книгин. 2002. С. 51.

¹⁴ Хайдеггер. 1993.

¹⁵ Цит. по: Филатенко. 2012. С. 214.

Историки в целом согласны с подобной трактовкой. «Вещь, событие, о которой или о котором говорят или что-то написано, не есть ли во всех случаях своего рода срыв, своего рода нарушение непрерывности? – задавался вопросом Т. Карлейль. – Ведь даже когда происходит какое-то радостное событие, оно все-таки несет с собой изменение, несет с собой убыток... – так было всегда, и раньше, и теперь, – оно несет с собой нерегулярность...»¹⁶. По мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, событие представляет собой разрыв исторического времени, перерыв в постепенности. И именно этот разрыв позволяет историкам маркировать и организовывать время, производить «опространствление» временной длительности¹⁷.

Здесь следует отметить, что и обыденным сознанием событие интуитивно мыслится как свершающееся в короткое время и часто неожиданно. Однако для ученого важна не столько констатация этого разрыва, сколько критерии, позволяющие интерпретировать нечто именно как разрыв, а не простое изменение. Для того чтобы понять разницу, обращусь опять к философам.

Согласно Бадью, реальность есть невидимое для субъекта множество, внутри которого выделяется некий регион доступного в опыте – множества второго порядка, внутри которых можно выделить единицы и установить между ними порядок и композицию. Такой комплекс Бадью называет «ситуацией» (например, политическая ситуация во Франции накануне Французской революции), а совокупность этих ситуаций – «позитивным порядком бытия», в котором существует человек. Однако всякая ситуация, по Бадью, о чем-то умалчивает – о чем-то, что вписано в механизм ее функционирования, но до определенного времени никак не явлено, никак символически не обозначено. Когда это умалчиваемое о себе заявляет, обнажая те элементы общественной жизнедеятельности, которые выходят за рамки *нормального* течения жизни, мы и имеем дело с событием¹⁸. «События – это сингулярности, имеющие место вопреки законам и правилам ситуации, но эффективно меняющие порядок вещей»¹⁹. Сходной точки зрения придерживался и Поль Рикёр, полагавший, что событие – это то, что противостоит закону, это отклонение от всякой сконструированной модели, от любого инварианта²⁰.

¹⁶ Карлейль. 1991 [1837]. С. 25.

¹⁷ Савельева, Полетаев. 1997. С. 143, 154; Подорога. 2001. Т. III. С. 582-584.

¹⁸ Бадью. 2003.; см. также: Оришева О. Указ. соч.

¹⁹ Шурпина. 2000.

²⁰ Рикер. 1998. С. 238-258; см. также: Куайн. 1998 С. 302-342.

Другими словами, событие – это не просто происшествие, а такое, которое связано с резким и неожиданным смещением семантического поля. «Событие – это то, что разрывает связи значений и знаков в подручном мире обжитого»²¹. А стало быть, обязательно нужен некто, кто способен отметить и зафиксировать это отклонение или разрыв значений, в чьей голове это смещение значений должно произойти. Другими словами, нужен *субъект*, способный увязать в своем опыте старое и новое, то есть то, что было до события и стало после него. Событие – не вне наблюдателя, но осуществляется через него и им²².

Можно зайти к роли субъекта в «рождении» события с другой стороны. Социальная жизнь может быть перегружена новостями и происшествиями, но происходящее в ней при этом не обязательно будет восприниматься как события. Ибо событийность определяется не интенсивностью происходящего (количеством), а его *качеством*, и в этом роде оно тоже связано с субъектом. Только индивид является местом сращивания, «схватывания» разного рода элементов социальной жизни и интерпретации их взаимодействия как события. Как говорил Ж. Делез, событие есть узел подобных «схватываний», некий фильтр, сито, которое просеивает хаос ситуации и организует его в некие комбинации, идентифицируемые нами как события²³. Таким образом, категория события как бы дает новое сечение универсуму, поворачивает его к мыслящему субъекту – к его сознанию и его памяти.

Собственно, понимание роли субъекта в рождении события и стала одной из причин недавнего ренессанса данной научно-философской категории, причем не только в сфере гуманитарного знания, что свидетельствует в пользу парадигмальных основ этого ренессанса. Так, например, в классической физике модель события выглядела как пространственно-временной фрагмент (пространство + время), при этом время и пространство воспринимались изолированно друг от друга²⁴. А вот в неклассической физике, возникшей с появлением теории относительности, сформировалась иная модель события, в которой событие только тогда становится событием, когда за ним кто-то наблюдает²⁵, а время мыслится как четвертое измерение пространства. В гуманитарном знании все обстоит еще сложнее, потому что здесь историческое

²¹ Гиренок. 1999. С. 68.

²² Подорога. Указ. соч.

²³ Делез. 1997. С. 134-135.

²⁴ Мостепаненко. 1966.

²⁵ Руднев. 2007. С. 53; Рассел, Норвиг. 2006. С. 460.

событие мыслится как «действие, совершаемое индивидуальным или групповым актантом, изменяющее существующие условия и обладающее относительной самостоятельностью в системе событий, целостностью и значимостью для хода исторического процесса»²⁶. Последнее («значимость для исторического процесса») показывает, что помимо самого действия, совершаемого индивидуальным или групповым субъектом, событие нуждается в истолковании, которое никогда не может быть полным, исчерпывающим и единственно верным. И в этом отношении оно тесно связано со временем, являясь своего рода его концентрацией и воплощением.

Одним из первых это блестяще продемонстрировал Ж. Дюби в своей знаменитой книге «Бувинское воскресенье. 27 июля 1214 г.» (1973). Через анализ одной-единственной битвы он фактически показал не только специфику отношения к войне в XII–XIII вв., но и роль времени / памяти в интерпретации этого события: в XIV в., когда французский король стал союзником императора Священной Римской империи, о Бувинском воскресенье благополучно забыли и вспомнили лишь в 1870 г., после поражения французов в битве при Седане, сделав это событие способом «подогревания» французского патриотизма. Впоследствии о роли времени / памяти в осмыслении события писали Пьер Нора, П. Рикёр, Мишель де Серто, Ф. Досс и др., показывая тесную взаимосвязь событийной маркировки на шкале времени от историка и от опыта действующих лиц (Р. Козеллек)²⁷. «События, которые являются значащими по одному <временному> коду, не остаются таковыми по другому», – соглашался с Козеллеком К. Леви-Стросс²⁸. Одно и то же событие может восприниматься или не восприниматься в качестве такового современниками события и потомками / историками. И это естественно, потому что, в отличие от современников, историк обладает другой перспективой – «он знает, что случилось потом», он способен соотнести происходящее с определенным социально-историческим контекстом и усмотреть в происшедшем качество события, которое современниками таковым могло и не казаться²⁹. Кроме того, событие может трактоваться как значимое или нет – в зависимости от задач исследования, масштабов исследуемого периода, а также от целого ряда других факторов: принадлежности исследователя к определенной научной парадигме, научному направлению, историогра-

²⁶ Еременко. 2006. Ч. 1. С. 44.

²⁷ Koselleck. 1985. P. 234.

²⁸ Леви-Стросс. 1994. С. 319.

²⁹ Савельева, Полетаев. 1997. С. 147.

фической традиции и т.д. (например, хорошо известна значимость событий библейской истории для христианской историографии). Вероятно, можно и проигнорировать событие, отнеся его к разряду проходных. Наконец, и это очень хорошо демонстрирует современность, событие может искусственно продуцироваться как таковое, являясь продуктом средств массовой информации, и в этом качестве им можно манипулировать, превращая нечто в факт события. В этом смысле можно утверждать, что современность порождает события³⁰.

Итак, «событие – это не то, что мы можем видеть или знать, а то, чем оно становится» (М. Серто). Осознание этого факта заставило историков и философов ввести в словарь современного гуманитария еще одно понятие – событийность, которое фиксирует в своем содержании отказ от рассмотрения последовательности событий как однозначной принудительной каузальности (линейная концепция времени), заменяя ее открытой для плюральной интерпретации множественностью причинно-следственных событийных рядов (событийная темпоральность). Например, можно сколь угодно рассуждать о предпосылках того или иного события (Французская революция, мировая война и т.п.), но закономерным последствием этих предпосылок данное событие все равно не станет (нельзя заглянуть в момент «до»³¹). При всей естественной взаимосвязи события с историческим контекстом (контекстами), о которой писали Р. Дж. Коллингвуд и Г. Зиммель³², его невозможно обусловить только им: оно вырастает в недрах этого контекста, но напрямую не выводится из него. Для этого нужна другая перспектива, другой ракурс, другое видение, которое и позволит увидеть ситуацию по-своему, оказаться по отношению к ней как бы «по ту сторону»³³. Другими словами, опять-таки нужен субъект, который и сплетет в один узел множество самых разнообразных ситуаций и осуществит эту самую констелляцию события³⁴. Уместно еще раз вспомнить Ж. Делеза, который

³⁰ Ревель. 2003. С. 242-243.

³¹ Мамардашвили. 1993.

³² Коллингвуд. 1980. С. 203; Зиммель. 1996. Т. 1. С. 522.

³³ В открытом пространстве событий не действует ставшая, заранее (до события) установленная, полная и неделимая необходимость, а действует странная «необходимость» и странные законы, дающие место каждому новому событию, каждый раз устанавливающиеся, «приходящие потом», и оставляющие пространство открытым. См. об этом: Воронина. 2003.

³⁴ Как пишет А. Бадью, «Я называю вмешательством любую процедуру, посредством которой множественное опознается как событие». – Цит. по: Оришева. Событие мысли и философия события...

трактовал событие как смысл, который не существует вне выражающего его предложения, но в то же время и не сливается с ним. Событие «подает нам знаки и ожидает нас»³⁵. Поэтому если раньше при осмыслении события преобладала схема каузального объяснения (вверх по течению времени), то сегодня мысль историков движется как бы в обратном направлении (вниз по течению), открывая, неисчерпаемый резервуар интерпретации события.

Сказанное открывает для историков ряд интересных и эвристических исследовательских перспектив. Первая, учитывающая роль СМИ в современном обществе, вероятно, находится на пересечении анализа системы значений и системы форм³⁶. Вторая, учитывающая роль «системы наблюдения, типа наблюдения, контекста»³⁷, позволяет использовать событие как призму, через которую просматривается некая культурная и социальная система, другими словами, некая структура.

Все это дает основание для критики свойственного традиционной историографии противопоставления событийной и структурной истории. Сегодняшняя рефлексия обоих способов, которые современная историография выработала для написания якобы бессобытийной истории (микроистория и история снизу), показывает, что событийность все равно никуда не исчезает. Микроскопическое событие, имеющее, на первый взгляд, сугубо индивидуальную релевантность, в другом контексте вполне может приобрести релевантность историческую. История «снизу», опирающаяся на подсознательную основу народного быта, на проверку тоже оказалась не такой уж неподвижной, как казалась вначале³⁸. Более того, именно событие, как метко заметил Дюби, «поднимает со дня истории ценную тину быта и случайностей». Таким образом, несмотря на принадлежность событий и структур к разным порядкам темпоральности, структуры, с одной стороны, проявляются и постигаются через события, с другой стороны, дают возможность существовать событию, идентифицировать его как таковое, дать ему состояться³⁹.

Так, например, Поль Рикёр⁴⁰, анализируя работы Броделя, одного из самых ярких противников событийной истории, обнаруживает, что материал броделевского текста буквально вскормлен событийными

³⁵ Делез. 1995. С. 199.

³⁶ Ревель. Указ. соч. С. 243.

³⁷ Буданов. 1999. С. 44.

³⁸ К тому же воссоздание подсознательной основы этого народного быта тоже возможно только путем интерпретации. Да и народна ли эта народная история?

³⁹ Koselleck. 1985. P. 105.

⁴⁰ Рикер. 1998. С. 238-258.

данными: «Событие постоянно влияет на структуры изнутри. Причем, двояким образом: с одной стороны, все структуры изменяются не в одном и том же ритме. Когда “разные скорости жизни”... больше не совпадают, их несогласие создает событие. С другой стороны, историка, исследующего структуры, интересуют ...точки их разрыва, их внезапное или медленное разрушение, – короче, перспектива их угасания»⁴¹, которая также проявляется в событии. Возможность такого исследования была блестяще продемонстрирована и в уже упоминавшемся нами «Бувинском воскресеньи» Ж. Дюби («следы, которые оставил этот день, способны поведать нам о способах думать и чувствовать... С другой стороны, эти следы просвещают нас относительно культурной среды, в лоне которой событие возникает и продолжает жить»), и в «Карнавале в Романе» Ле Руа Ладюри, (который «событийной бороздой врежется в структурную стратиграфию», демонстрируя «ментальные и социальные слои, составляющие Старый порядок»), и в «Возвращении Мартина Герра» Н.З. Девис (где одно дело становится своего рода призмой общинных структур XVI века)⁴². Как метко заметил Жак Ревель, «событию придается статус показательного случая, чтобы с его помощью найти или попросту оправдать тот или иной взгляд на какой-либо феномен, каковой располагается вне события и имеет иной масштаб»⁴³.

Осознание постоянной открытости событийного статуса прошлого, в свою очередь, привело к реабилитации нарративности. Тем более что описательные тексты, которые одно время считались действенной альтернативой наррации, оказались не менее конструктивными, чем нарративные: только в одном случае речь идет о конструкции дискурса, а в другом – о наборе элементов описания. Поэтому представители нового историзма уверены – история невозможна без ее рассказывания⁴⁴. Следует ли из этого признание историка единоличным творцом события? Если следовать логике вышесказанного, нет, ибо событие – это всегда встреча настоящего с прошлым, и, будучи результатом диалога двух разных времен, его историчность не может авторитарно определяться ни историком, ни деятелем / деятелями события, она всегда состоит в диалоге между ними. Без деятеля, без субъекта в событиях истории не было бы непредсказуемости, и без его деятельности, которая направлена на какой-либо результат, в истории не было бы результативности.

⁴¹ Там же. С. 250.

⁴² См. об этом: Ревель. С. 243.

⁴³ Там же. С. 244.

⁴⁴ «Событие – это то, о чем рассказывают». – *Janet*. 1928. P. 288.

Наконец, действия историка обусловлены современными ему познавательными возможностями. Таким образом, нарративизация истории не является делом одного историка.

Очевидно, что по воле исследователя и в соответствии с решаемыми им задачами события могут вступать друг с другом в самые разнообразные отношения (причинность, последовательность, взаимозависимость, создание цепи событий и т.д.). Данное обстоятельство можно использовать, например, при создании контрфактической истории, в ходе которой конструируется хронологическая цепочка событий, которая могла бы стать следствием отсутствия интересующего их события, и тем самым проверяется основательность общепринятой интерпретации. Как писал в свое время Р. Арон, «картина непрерывности, картина необходимости стихийно рождаются из исторической перспективы, потому что мы исходим из цели, потому что мы знаем то, что было, а не то, что могло бы быть». А еще потому, что «...прошлое историка было будущим исторических персонажей». И «если будущее несет отпечаток значительной непредвидимости, то объяснение должно уважать природу события»⁴⁵. И это делает «прошлое открытым, как будто оно еще не прошло, изменяет будущее, как будто оно уже наступило, производит из себя все три времени»⁴⁶.

Подобное понимание события подвигает нас к пониманию его отличия от того, каким оно мыслилось в прежней историографической топике. Думается, что провозглашаемый сегодня «ренессанс события» опосредован глубоким сдвигом в поле неклассической и постклассической рациональности, который подводит историков к иному пониманию историчности, исторического времени, истории как формы научного знания, роли опыта исторических акторов и самого историка. История сегодня уже не воспринимается как наука, занимающаяся только изучением прошлого. Скорее, она является вневременной категорией, включающей в себя разнообразные аспекты человеческой действительности: «одновременность неодновременного» или же «неодновременность одновременного»⁴⁷. Историческое становление как непрерывное развертывание сменилось пониманием дискретности времени, опыта, множественности и многослойности темпоральности, а также переплетением времен разной длительности. При этом, сопоставляя пространственную и темпоральную (распределенную во времени) сложности, мы говорим

⁴⁵ Арон. 2000. С. 374.

⁴⁶ Воронина. Указ. соч.

⁴⁷ Буллер. Райнхарт Козеллек о человеческих горизонтах...

не столько об устройстве мира, сколько о формах его восприятия и даже, что точнее, о способах описания⁴⁸.

В таком контексте изменилось и отношение к событию. Событие, его переживание и концептуализация все больше начинают осмысливаться как фокус, в котором актуализируются разные уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт⁴⁹, в том числе опыт и действия историков, но, естественно, не только их. «В такой перспективе лучше понимаешь неустранимость события. Оно зависит не только от ограничений, налагаемых высказыванием, но также и от обусловленностей когнитивного типа, поскольку формируется клубком различных темпоральностей, актуализированных в данный момент»⁵⁰. И в этом смысле «возвращение к событию» можно считать своеобразным маркером, указывающим на попытки осмыслить место и задачи истории в обществе путем анализа тех «интеллектуальных тупиков», в которых она оказалась, и возможных перспектив ее развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р.* Введение в философию истории [1938] // Избранное: Введение в философию истории: пер. с фр. М.: ПЕРСЭ; СПб.: Унив. кн., 2000. С. 213-524.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Бадью А.* Манифест философии / сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
- Болдачев А.* От вещей к событиям. URL: <http://philosophystorm.org/novyi-tekst-sobytiinaya-ontologiya>
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1997. С. 115-142.
- Буданов В.* Когнитивная психология и когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и смысл. М., 1999.
- Буллер Андрес.* Райнхарт Козеллек о человеческих горизонтах восприятия прошлого. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Rajnhart-Kozellek-o-chelovecheskih-gori-zontah-vospriyatiya-proshlogo>.
- Воронина Н.Ю.* Концепт «события» у М. Мамардашвили и Ж. Делеза // Философия: в поисках онтологии: Сб. ст. / Самар. гуманит. акад.; отв. ред. Н.Ю. Воронина. Самара, 2003. URL: http://www.phil63.ru/kontsept-sobytiya-u-m-mamardashvili-i-zh-deleza#_edn10.
- Вритт Г.Х.* Логико-философские исследования. Избр. труды / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
- Гиренок Ф.* Археография события // Событие и смысл. М., 1999.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 2002.

⁴⁸ См.: *Болдачев.* От вещей к событиям...

⁴⁹ *Козеллек.* 1994. Вып. 5. С. 171-184.

⁵⁰ *Ревель.* Указ. соч. С. 251.

- Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59-88.
- Делез Ж. Логика смысла. М.: Издат.центр «Академия», 1995.
- Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / посл. В.А. Подороги; пер. Скуратова. М.: Логос, 1997. 264 с.
- Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320-329.
- Еременко А.М. Структурно-событийный и ценностно-смысловой подход к истории // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. СПб., 2006. Ч. 1.
- Еременко А.М. Понятие «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие. URL:http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Phd/2011_14/24_Yer.pdf (дата обращения – 22.07.2013).
- Зиммель Г. Проблема исторического времени [1917] // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т.; пер. с нем. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 517-529.
- История философии. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
- Карлейль Т. Французская революция. История / пер. с англ. М.: Мысль, 1991 [1837].
- Киселева Н.А. Историческое событие – факт или феномен? // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. Вып. 33. С. 115-118.
- Книгин А.Н. Учение о категориях: учебное пособие для студентов философских факультетов. Томск, 2002.
- Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище в историографии [1979] // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 171-184.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории [1946] // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. М.: Наука, 1980.
- Куайн У. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 302-342.
- Леви-Стросс К. Неприрученная мысль [1962] // Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. с фр. М.: Республика, 1994. С. 111-336.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс: Культура, 1993.
- Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидорцов, О.М. Шутова и др.; под ред. А.Н. Алексеева и др. Минск, 1996.
- Мостепаненко А.М. Четырехмерность пространства и времени. М.: Л., 1966.
- Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. II. С. 306-307.
- Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198-210.
- Оришева О. Событие мысли и философия события. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-304841.html>
- Подорога В. Событие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 582-584.
- Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / пер. с англ. и ред. К.А. Птицына. М., 2006.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.

- Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Руднев В.П.* Философия языка и семиотика безумия. М., 2007.
- Савельева И.М., Полетаев А.Н.* История и время в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Февр Л.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II // Бои за историю / пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Филатенко И.А.* Понятие «событие»: философские основы интерпретации // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 212-216.
- Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина М.: Республика, 1993 447 с. – С. 391–406.
- Шильман М.* Событие и Исторический факт: попытка разведения понятий // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія “Філософія”. 2002. № 561.
- Шурпуна С.* Случайная мобилизация // Синий диван. 2000. URL: <http://sinijdi.van.narod.ru/sd3rez1.htm>
- Davidson D.* The individuation of events // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969. P. 216-234.
- Dretske F.I.* Referring to events // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minnesota UP. – Minneapolis, 1979. S. 361-374.
- Janet P.* L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chachine, 1928.
- Kim J.* Causation, emphasis, and events // Contemporary perspectives in the philosophy of language; Minnesota UP. – Minneapolis, 1979.
- Kim J.* Events and their descriptions: some considerations // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969. P. 198-215.
- Koselleck R.* Futures Past: The Semantics of Historical Time / Trans. from German. Cambridge, Mass., 1985.
- Воробьева Ольга Владимировна***, кандидат исторических наук, доцент, рук. Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, e-mail: vorobushek1@yandex.ru